

Научная жизнь

Заметки о современном американском китаеведении

© 2009

Д. Шамбо

В настоящих заметках изложены некоторые личные размышления относительно целого ряда факторов, затрагивающих сферу исследований современного Китая в Соединенных Штатах Америки за период с 1950-х гг. до начала XXI столетия*. Их необходимо предварить двумя следующими замечаниями. Во-первых, поскольку автор заметок является политологом, несколько большее внимание в его изложении уделяется именно этой научной области, а не экономике, социологии или гуманитарным дисциплинам. Тем не менее, надеюсь, что удастся охарактеризовать общие направления научных изысканий в отношении современного Китая с момента провозглашения в 1949 г. Китайской Народной Республики. Во-вторых, в Соединенных Штатах сфера изучения Китая не ограничивается сегодня лишь рамками академических кругов, выходя далеко за их пределы. Она охватывает американские правительственные круги, банки и корпорации, юридические фирмы и довольно широкий спектр неправительственных учреждений. Таким образом, ниже речь пойдет об основных тенденциях, присущих исключительно академическим кругам — только одной из частей гораздо более представительного на сегодняшний день синологического сообщества США.

Перемены в Китае

Очевидно, что постижение современного Китая в американской научной среде происходит в режиме “реагирования”, поскольку выражается в ответной реакции на смену как событий в самом Китае, так и теорий, возникающих в области общественных наук. Во многих случаях такие события влекут появление осо-

Шамбо Дэвид, профессор политологии и международных отношений, руководитель Программы изучения политики Китая в Институте международных отношений им. Эллиота Университета Дж. Вашингтона, приглашенный старший (почетный) исследователь Программы изучения внешней политики в Центре исследований политики стран Северо-Восточной Азии Института Брукинга, г. Вашингтон, округ Колумбия.

* В основу статьи положено выступление автора в Институте Дальнего Востока РАН 8 июня 2009 г.

рых видов новых исходных данных и методов проведения исследований, которые способствуют возникновению их новых направлений. Несомненно, тенденция эта отнюдь не нова, поскольку сама синологическая отрасль всегда реагирует на события внутри Китая и отношения КНР с зарубежными странами, что можно сжато, но наглядно проследить на примере пяти основных периодов или этапов, являющихся предметом внимания американской синологии (и, соответственно, пяти поколений американских китаеведов):

- 1) 1950-е гг. — середина 1960-х гг.;
- 2) конец 1960-х гг. — конец 1970-х гг.;
- 3) 1980-е гг.;
- 4) 1989 г. — середина 1990-х гг.;
- 5) конец 1990-х гг. — 2009 г.

Первый этап

В 1950-е гг. поощрялось изучение нового статуса партии, ее органов и учреждений (институтов), руководства и идеологии. Китаеведы пытались также определить, что во вновь созданной КНР было действительно новым, носило “коммунистический характер” и было навязано Советским Союзом, а что сохранилось из присущего исключительно “китайскому духу”. Такое “первоначальное разграничение” явилось первым важным шагом на пути к пониманию характера нового режима. Роль марксистско-ленинско-маоистской идеологии становилась первостепенным предметом изучения по мере того, как многие ученые погружались в глубины произведений Маркса, Энгельса, Гильфердинга, Ленина, Троцкого, Сталина, Мао, Лю Шаоци, Хо Ши Мина и др.

На протяжении 1950-х гг. тщательно исследовались китайско-советский альянс и “советизация” китайской экономики, политическая система, система образования, военный и другие аспекты. С появлением в конце 1950-х гг. “трещин” в китайско-советских отношениях аналитики начали внимательно отслеживать их признаки.

Дипломатия Пекина в развивающемся мире также заинтересовала определенное, хотя и не столь большое количество ученых. Это было особенно заметно после завершения Бандунгской конференции 1955 года.

Нескончаемая череда экономических, социальных и политических кампаний, развязанных маоистским режимом на протяжении десятилетия, также привлекла внимание большого числа ученых, многие из которых написали свои научные диссертации и первые книги на тему той или иной из них. С возникновением раскола в китайском руководстве после VIII съезда КПК и, особенно, накануне Лушаньского пленума повышенное внимание уделялось изучению движущих сил, определявших политику внутри китайской элиты. Другим важным направлением на протяжении этого периода были выбор некоего крупного муниципального образования или провинции и оценка воздействия каждого из вышеупомянутых факторов на данный конкретный район, на основании которой можно было сделать более широкие обобщения относительно “коммунистического Китая”.

Во всех подобных случаях американская синология предпринимала попытки оценить и понять реальную ситуацию и происходившие в Китае перемены индуктивными методами, поскольку сами ученые не допускались на территорию КНР. По этой причине перед Центром университетского обслуживания в Гонконге встала особая задача — выполнять функцию “авангардного” обеспечения проведения углубленных научных исследований по проблемам Китая. Верно также и

то, что при изучении Китая на протяжении этого периода и в последующем использовались и дедуктивные подходы. Другими словами, некоторые ученые и аналитики рассматривали Китай через призму парадигм, наработанных в процессе изучения других стран и иных политических систем, в частности, бывшего Советского Союза. Китай оценивался ими как еще более яркий пример “тоталитарной” политической системы.

Поскольку Китай оказался закрыт для проведения в нем исследовательской работы и сбора данных, а от дипломатов и студентов СССР и восточноевропейских стран, имевших доступ в КНР, узнать можно было очень немного, у американских ученых не оставалось иного выбора, кроме изучения Китая “на расстоянии”, прежде всего из Гонконга и с Тайваня. Поэтому им приходилось пользоваться довольно ограниченным кругом источников и прибегать к методам исследования, разработанным для анализа Советского Союза: внимательное изучение центральных СМИ, отслеживание выступлений и заявлений руководителей и опросы эмигрантов и редких перебежчиков. Возникла некая разновидность “кремленологии” — “пекинология”. Время от времени появлялись правительственные (как утверждалось) документы или содержательный источник информации, однако, как правило, в распоряжении ученых находился лишь весьма ограниченный набор доступных материалов. Подобные источники и методы исследований в результате обусловили целый ряд последствий: внимание оказалось сконцентрированным на элите (а не на обществе), на внешне централизованной и командной системе, где доминировали руководители, дисциплина и идеология.

Такая направленность исследований сохранялась до середины 1960-х гг., т.е. до начала в 1966 г. “культурной революции”.

Второй этап

“Культурная революция” оказала глубокое влияние на методологию изучения Китая в Соединенных Штатах. Это событие, ставшее катастрофой во внутренней жизни страны, повлекло серьезные изменения в тематике исследований американских китаеведов и ознаменовало начало их второго этапа. Внимание исследователей к политике элиты еще более усилилось, однако прежнее ее восприятие как сравнительно однородной и сплоченной сменилось абсолютно противоположным, базировавшимся на наличии ожесточенной фракционной борьбы и массовых чисток, на потоках информации и обвинений (зачастую ложных), содержавшихся в “дацзыбао” “красных охранников” (хунвэйбинов). Помимо интереса многих к элите (или тому, что от нее осталось), вторым по значимости объектом исследований в тот период вполне естественно стали массовые беспорядки в процессе самой “культурной революции”. Исследователи ломали голову над вопросом о том, что сигнализировало это хаотическое движение о (переменах в) характере китайского общества. Третьей особенностью этого периода был интерес к Народно-освободительной армии как институту и, в особенности, участнику внутривнутриполитического процесса.

Эти три объекта исследований были характерны для второго периода изучения Китая в академических кругах США, который продолжался приблизительно до конца 1970-х гг.

Третий этап

Третий этап длился на протяжении десятилетия 1980-х гг. вплоть до событий 1989 г. В течение этого периода, однако, влияние на академические круги

оказали не столько перемены внутри Китая, сколько впервые появившиеся у американцев возможности проводить исследования в самом Китае. В определенной степени верным является то, что тематика исследований американских обществоведов и гуманитариев была отражением новой политики “реформ и открытости” правительства Дэн Сяопина, однако в той же или даже большей степени исследования ученых затрагивали те области, которые впервые оказались для них открыты. В силу запрета американским академическим кругам проводить исследования в самом Китае, наложенного китайским правительством и действовавшего до нормализации дипломатических отношений двух стран в 1979 г., многие их области были недоступны просто по причине отсутствия эмпирических данных. В определенном смысле канадские, австралийские, европейские и японские исследователи имели некоторое преимущество перед американскими, хотя обстановка для проведения исследований, в которой они оказались в Китае в конце 1970-х гг., не претерпела сколь-нибудь значительных перемен.

Таким образом, реформы Дэн Сяопина по воле случая совпали с нормализацией китайско-американских отношений, и американцы, оказавшиеся в Китае, наблюдали появление новых изменений в условиях для ученых и исследователей. Оглядываясь сегодня на предметы многих научных исследований в 1980-е гг., обращаешь внимание не только на сам характер проблем, связанных с тематикой дэновских реформ, но и, как минимум, на те данные, которые имелись в распоряжении, и источники, которые были задействованы.

Это подтверждается возможностью проводить опросы и собирать “комментарии участников”. Для сбора мнений и проведения опросов в одночасье оказались доступными все социальные слои: мелкие предприниматели (гэтиху), промышленные рабочие, крестьяне, мигранты, молодежь, пожилые люди, интеллигенция, студенчество и т.п. Были проведены обследования каждой из этих, а также других групп населения. Столь же важной, особенно для политологов и экономистов, оказалась возможность интервьюировать официальных лиц и чиновников различных звеньев правительственного аппарата.

Это дало возможность обновить или уточнить характеристики официальных институтов Китая, ранее, в 1950-е гг., изучавшихся “с расстояния”, а также гораздо четче и на практическом уровне осознать процесс принятия решений и выработки государственной политики. Путем проведения опросов на разных уровнях государственной системы ученые смогли также отследить осуществление этой политики. Что касается вопросов внешней политики КНР, то исследователям была предоставлена возможность опрашивать чиновников и экспертов среднего звена, способствуя тем самым инициированию ряда исследований о восприятии Китаем зарубежных стран и международных проблем.

Таким образом, характерными особенностями третьего периода были, прежде всего, более тонкое понимание политического процесса, появление ряда исследований, связанных с конкретными социальными слоями, а также новые реформы, развернутые под руководством Дэн Сяопина — Ху Яобана — Чжао Цзяна. Результатом стали значительно более высокая степень конкретности и детализации, более широкий, уже не страдающий однообразием диапазон оценок и мнений, однако в процессе этого было в определенной мере утрачено ощущение “Китая в целом”. Так было положено начало сохранившейся до наших дней долговременной тенденции “изучения Китая по составным частям”, что привело в итоге к более детальной осведомленности относительно конкретных регионов и отраслей, но одновременно — к утрате способности обобщенно оценивать Китай в целом.

В определенном смысле эти акценты сохранялись и в 1990-е гг., однако важные события весной 1989 г. вновь стали причиной изменения направлений исследований.

Четвертый этап

Многие ученые (наряду с журналистами) пытались осмыслить причины и последствия апрельско-майских демонстраций и их насильственное подавление 4 июня 1989 г. Предпринимались также попытки определить, какими соображениями руководствовалось правительство по поводу демонстраций и принятия окончательного решения о введении военного положения и использовании вооруженных сил. Беспрецедентный и непредсказуемый характер демонстраций и участвовавших в них привлек большое внимание и породил многочисленные исследования.

По случайному совпадению, эти события произошли практически одновременно с публикацией в Европе и Америке переведенного на английский язык исследования Хабермаса о гражданском обществе. Такое совпадение побудило многих ученых рассматривать демонстрации в Пекине через призму развития гражданского общества в быстро реформирующемся Китае.

Трагические “события 4 июня” вызвали также новый интерес к изучению военной сферы Китая (Народно-освободительной армии). Не вызывавшая интереса в качестве объекта исследований с момента окончания “культурной революции”, НОАК стала привлекать все более пристальное внимание в 1990-е гг. как сила, действующая внутри страны, а после кризиса 1995—1996 гг. в Тайваньском проливе — и как внешняя сила. В настоящее время исследования, связанные с НОАК, впервые стали реальной составной частью комплексного изучения современного Китая. “События 4 июня” привели также к переменам в китайском руководстве, которые дали новый стимул для изучения политики элиты. Это совпало с неясной ситуацией и закулисными маневрами в связи с определением преемника Дэн Сяопина.

Пятый этап

События в Китае середины — конца 1990-х гг. повлекли еще один заметный сдвиг в исследованиях: с одной стороны, в центре внимания вновь оказались внутренние политэкономические проблемы и возможности государства, сочетаемые, с другой стороны, с упором на внешнеэкономические связи Китая (особенно в связи с его подготовкой к вступлению во Всемирную торговую организацию).

Многие ученые занялись “копанием” в причинах сокращения возможностей правительства на всех уровнях — центральном, провинциальном, муниципальном и местном — обеспечивать население в достаточном объеме “общественными товарами”. Парадокс заключается в том, что с началом экономического бума в Китае после известной поездки Дэн Сяопина на юг то же самое произошло с правительственными вложениями в социальную сферу (что еще больше усугубило сокращение ассигнований, начатое в 1980-е гг.) Такая линия в сочетании с общенациональной тенденцией экспроприации распорядившимися кадровыми работниками на местах земли у фермеров для коммерческих нужд и введение разнообразных сборов с граждан привела к ряду проявлений общественного недовольства и росту социальных волнений. Это вызывало интерес у нового поколения американских ученых, проводивших исследования в Китае.

Период 1997—2003 гг. также был ознаменован растянутой во времени передачей власти сперва от Дэн Сяопина — Цзян Цзэминю, потом Ху Цзиньтао и (начиная с 2006 г.) — Си Цзиньпину. Политика элиты получила частичную “реабилитацию” в американской синологии. Однако преобладающим, по сравнению с наблюдениями за Политбюро, стал новый всплеск академического интереса к институциональным аспектам деятельности Коммунистической партии. Американских ученых особо интересовала активизация строительства партийных учреждений и органов контроля, поскольку многие открыли для себя “авторитарную эластичность” в КПК в периоды правления Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао. Не все, однако, были согласны с такой преобладавшей оценкой, и некоторые видные ученые утверждали, что КПК “хрупка”, находится в состоянии “разложения” и “разграбления” и обнаруживает ряд признаков истощения и слабости. С приближением XVIII съезда КПК, который состоится в 2012 году, в среде американских китаеведов существует широкий диапазон мнений относительно стабильности, гибкости и стойкости КПК.

Третьим направлением исследований ученых в процессе пятого этапа является внешняя сфера: международные отношения и военные вопросы. В связи со значительной активизацией участия Китая в мировых делах и продолжающейся модернизацией Народно-освободительной армии американские китаеведы сосредоточивают все более пристальное внимание на этих темах. Настоящий шквал интереса у ученых вызвали двусторонние отношения Китая с различными странами и регионами. Только за последние два года увидело свет не менее десятка новых книг по китайско-американским отношениям (авторы некоторых из них не являются гражданами США). Больше внимание стало уделяться также поведению Китая в рамках многосторонних региональных и международных организаций. В то же время резко активизировалось изучение НОАК, хотя им занята относительно небольшая группа ученых и специалистов.

Опасность “не разглядеть за деревьями леса”

Конечным результатом трех последних этапов исследований определенно стало формирование богатого своими оттенками и отличающегося значительным разнообразием облика Китая. Исключительное многообразие и сложность картины современного Китая становятся все очевиднее, что абсолютно не совпадает с видением ученых первого поколения, которые склонялись к подчеркиванию однообразия в облике этой страны. Разнообразные темы и результаты исследований в большинстве своем вещь полезная, однако это чревато тем, что “за деревьями порою нельзя разглядеть леса”. Мы узнаем с каждым разом все больше о более мелком и незначительном, поэтому становится все труднее делать четкие обобщения относительно “Китая в целом”. Одним из последствий этого является то, что новое поколение американских китаеведов также не проявляет большого интереса к политическим проблемам или к тому, чтобы выступать в качестве “публичных представителей интеллектуальной элиты”. Это, с одной стороны, результат мелкотемья большинства их исследований, а с другой — давления академической среды, направленного на достижение должностного статуса и научных успехов.

Последние научные изыскания не только иллюстрируют многосложность самого Китая, но и обнаруживают наличие широкого круга источников, имеющих сегодня в распоряжении социологов и исследователей-гуманитариев: доступ к местным и провинциальным архивам, провинциальные и местные географические справочники, хронологические записи и документы некоторых центральных министерств, интервью с должностными лицами всех административ-

ных звеньев, интервью с представителями интеллигенции, творческих кругов и с обычными людьми, непрерывные антропологические и социологические исследования на местах — в городах и сельской местности, социологические обследования, а также громадный диапазон выходящих ныне публикаций. Сегодня в Китае ежегодно публикуется около 300 статистических ежегодников, более 6000 географических справочников, 2100 газет (10% — центральные, 40% — провинциальные, 30% — муниципальные и сельские и 20% — местные), 9000 периодических изданий и около 200 тыс. книг, не говоря уже о бурном росте ресурсов Интернета и других видов электронных СМИ. Проблема сегодняшних китаеведов в корне отличается от той, что стояла перед их предшественниками полвека назад — это лавина информации. Перед ними стоит задача систематизации библиографических данных.

Таким образом, на протяжении каждого из названных пяти периодов тематика исследований в области синологии представляла собой реакцию на появление новых источников и череду событий в Китае. И это вполне естественно и объяснимо, поскольку предмет исследований и имеющиеся данные должны в значительной степени определять их тематику. Однако события в Китае и имеющиеся материалы не могли выступать в роли единственного побудительного стимула для американского китаеведения.

Влияние научных дисциплин

Еще одним фактором воздействия на американскую синологию остается влияние различных общественных наук, что также естественно и объяснимо, поскольку именно это отличает академические исследования от журналистики или других форм профессиональной аналитики, связанной с Китаем. Журналистика и другие виды профессионального анализа (за исключением экономического), как правило, являются описаниями и не имеют теоретической базы. Таков характер этих профессий: потребители их продукции (читатели) стремятся получить информацию, на основе фактических данных, свободную от толкований или теоретических парадигм. С другой стороны, научный анализ по природе своей представляет попытку объяснения и толкования данных (фактов) в более широком контексте с использованием категорий. Данные вне контекста рассматриваются как простая “фактология”. Тенденция привлечения социологических теорий для анализа современного Китая гораздо более характерна для североамериканской, чем для европейской или азиатской школ.

Американские китаеведы зачастую привносят в свой анализ одну или несколько аналитических и толковательных парадигм. Иногда это дает “затейливый” результат, в силу которого распространенные сегодня модели, разработанные для исследования других обществ (не последнее место в ряду коих принадлежит Соединенным Штатам Америки) рассматривались в качестве общераспространенных и приемлемых для Китая. К примеру, когда в 1970-е гг. в американской политологии пользовался популярностью групповой анализ по интересам, считалось, что подобные группы обязательно существуют во всех обществах, включая коммунистическое. То же самое произошло в начале 1990-х гг. в период популярности концепции гражданского общества. В обоих случаях соответствие данной парадигмы китайскому обществу было весьма относительным. Речь шла больше о теории, чем о реальной ситуации. Несмотря на возникавшие время от времени пережесты с применением отраслевых парадигм, большая их часть помогала разъяснять и понимать Китай, который действительно оказался полезной “лабораторией” для применения моделей, теорий и парадигм. В этом отношении

китайские исследования определенно стали “сферой потребления”, не предлагавшей, а заимствовавшей модели и парадигмы из других областей для “апробирования” в условиях Китая.

Возьмем, к примеру, сферу китайской внутренней политики. На схеме 1 представлен обширный набор концепций, использовавшихся при изучении современного Китая, но впервые разработанных для других областей исследований или сфер политологии.

Схема 1

Области и парадигмы, влияющие на изучение политики Китая

Из этой схемы становится очевидным, что изучение китайской политики является весьма эклектичным. В значительной степени это здоровое явление. Однако одновременно обнаруживается, что Китай не является “вещью в себе”, и важно попытаться понять его через призму сопоставлений. К этому следует добавить, что теории и модели, разработанные вне китайской почвы, в своей основе

и сами по себе не являются достаточными для информативного или эмпирического понимания современного Китая. Ничто не может заменить языковых навыков, углубленной учебной практики в китаеязычной среде и продолжительного пребывания в стране. Те, кто сочетает эти навыки с широким видением относительной перспективы при условии правильного понимания китайской истории, наилучшим образом подготовлены для того, чтобы постигнуть Китай. Однако с учетом громадных сложностей, которые олицетворяет современный Китай, даже умелое овладение такими навыками еще не гарантирует его постижения.

Выводы

За прошедшие 60 лет американская синология прошла в своем развитии пять основных этапов. Как отрасль академической науки она по-прежнему сильна и имеет глубокие корни. Нигде в мире исследования Китая несопоставимы по их уровню с исследованиями в Соединенных Штатах. Хотя в этом коротком обзоре основное внимание было уделено общественным наукам, обильная литература имеется и по истории, и по гуманитарным дисциплинам. Все более значимой становится тенденция, в силу которой изучением Китая занимаются теперь не только китаеведы, поскольку большое число ученых, специализирующихся в других сферах, дисциплинах и областях науки используют Китай в процессе сравнительных исследований или работают с китайскими учеными над совместными проектами. Можно с уверенностью утверждать, что приток большого числа китайских ученых-эмигрантов в американские академические круги за последние три десятилетия пошел на пользу всей отрасли в целом.

Таким образом, современное китаеведение в Соединенных Штатах по-прежнему крепко стоит на ногах и уверенно смотрит в будущее. Несмотря на некоторые неблагоприятные побочные факторы (как, например, увлечение излишней детализацией и избыточное внимание во многих исследованиях к теоретическим аспектам) в целом синология в Америке живет и процветает.